

ИДУЩИЕ СКВОЗЬ ПЛАМЯ

премьера «Тристана и Изольды»
в Opera de Bastille

ГЮЛЯРА САДЫХ-ЗАДЕ ПАРИЖ

Постановка «Тристана и Изольды» Вагнера в Парижской опере — событие неординарное. Ее даже спектаклем не назовешь — это едва ли не откровение, духовное открытие, каких редко достигает современное искусство. Режиссер Питер Селларс и мастер видеоарта Билл Виола по-новому решили вечную тему: в духе буддизма, тантрических истин и суфийского мистического знания.



Фотограф: Ruth Walz

Стихии воды и огня переплелись и проникли друг в друга: текучая субстанция жидкого пламени (или светящейся воды) вздымалась и опадала в такт музыке, стекая с огромного экрана. Пламя плескалось в зрачке Изольды — любовный напиток был готов. Билл Виола — знаменитый мастер видеоарта, приглашенный на постановку в качестве дизайнера и сценографа, — нашел в кельтской легенде такие неожиданные повороты и метафоры, что история Тристана и Изольды обрела сакральный ореол. Их роман — будто торжественная встреча Инь и Ян, а сами герои — совершенные воплощения мужского и женского начал. Ритуал принесения в жертву грубой материальности их духовной целостности и составляет главное содержание спектакля.

Визуальный комментарий Виолы к опере Вагнера предельно символичен. Генеральная идея такова: «Отражения духовного мира в зеркале материального и преходящего». Виола стремится изобразительными средствами передать непередаваемое —

то, что происходит в душах героев во время протяженных арий и дуэтов, некоторые из которых длятся по 45 минут. Надежда, зарождение любви, нежность, блаженство, разлука, тоска, отчаяние, гнев, лихорадка и умирание — все находит свой визуальный эквивалент. Собственно событийная канва Виолу волнует мало. На экране, висящем над сценой, море бушует, выплескиваясь на скалы, волны замедляют свой бег и застывают изваяниями; сквозь крону дерева светит заходящее солнце; пузырьки воздуха кружатся в водном потоке; шевелится трава, луна освещает ночь любви в лесу... Замедленная съемка придает картинке оттенок нереальности — это жизнь и сон души, не совпадающие с фабулой оперы.

В момент питья магического любовного напитка мы видим на экране плывущую пару. В воде, пронизанной лучами солнца, медленно развеваются одежды, видны руки, сплетенные вместе, стремящиеся к свету. Изольда прости Брангену привести к ней Тристана — и мы видим две оди-

наково потертые, «винтажные» рамы. Из глубины, от горизонта, движутся две точки. Они приближаются очень медленно — и вот перед нами мужчина и женщина. Их пути пока не пересеклись, они параллельны; на лицах — напряженное ожидание встречи.

Между тем под экраном, на темной пустой сцене, разворачивается иная, театральная жизнь. Питер Селларс разработал тонко детализированную, психологически насыщенную интенсивную актерскую партитуру, в которой каждый персонаж — Тристан (Бен Хеппнер), Изольда (Вальтрауд Майер), Курвенал (Юкка Расилайнен), Король Марк (Франц-Йозеф Зелиг), Брангена (Ивонна Нёф) — ювелирно ведет свою партию. Герои, лишённые каких бы то ни было предметных подпорок, в пустоте сцены ведут напряженные диалоги. Все проживают на сцене свой образ естественно и экспрессивно. Невыносимо глядеть, как неожиданно массивный Тристан (постановщик ломает привычный архетип Тристана — стройного романтического кра-

савца) в отчаянии запускает сильные руки в шевелюру, пряча лицо от обвиняющих взглядов Короля Марка. Тристан и его дядя король — мужчины одного типа и по телосложению, и по складу характера. Заметно, что они родственники: оба плотные, коренастые, с бычьими шеями и сильными руками. Такие тела — в нашем представлении — не созданы для любви, да и возраст у Тристана не юношеский. Однако свет любви преобразует их, и тогда Виола выводит на экран юную пару в прозрачных одеждах. Очертания фигур размыты и напоминают сгустки света, движущиеся сквозь заросли дикого цветущего сада-рая. Рыжеволосая Изольда застывает статуей воплощенной скорби при виде умершего возлюбленного. Одежды в черное, певцы почти сливаются с фоном; лишь руки и лица белеют под экраном, и мощные вагнеровские голоса прорезают бушующий оркестр, который умело и сноровисто ведет через рифы партитуры Эса-Пекка Салонен.

Собственно музыкальное воплощение «Тристана» было потрясающим. Интендант Opera de Paris Жерар Мортье пригласил на постановку поистине звездный состав: дирижера Эса-Пекка Салонена, с которым он плодотворно сотрудничал еще на Зальцбургском фестивале, и превосходных певцов. Майер, классическая вагнеровская певица, невероятно энергичная и темпераментная, пела так, что нервные окончания вибрировали, отзываясь дрожью на каждый звук. Ее Изольда неукротима и властна, а огромный увалень Тристан — большой ребенок, которого неожиданно настигла любовь. В сцене смерти горячий бред и любовная лихорадка вызывают у него видение. Нечеткий абрис женской фигуры, словно мираж в пустыне, колеблясь, движется к нему: лица нет, сквозь марево горячего воздуха виден лишь красный платок и развевающийся рукав хитона. Затем пламя в крови взмывает вверх, и кровь закипает: так умирает Тристан.